

А. В. Дружинин. Повести. Дневник.
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов
М., "Наука", 1986
[OCR Бычков М. Н.](#)

Успех "Жены игрока"¹ долго еще действовал на меня. Мысли, взволнованные произведением, вылившимся быстро и с любовью из души, долго еще не давали мне покоя. Я хлопотал до этого времени, не зная, что начать, по недостатку сюжетов, теперь их была бесчисленная куча, и я все-таки чувствовал, что не в силах написать второго драматического произведения.

В это время я вполне сознал, как недостаточны мертвые книжные сведения, не оживленные опытностью. Односторонность моей жизни, выказалась чрезвычайно резко: я так отделился от интересов нашего петербургского вседневного круга, что решительно не чувствовал к нему ни симпатии, ни ненависти, и поэтому не мог описывать его как бы желал. Особенно женщины, предмет, без которого не обойтись писателю,-- были для меня вещью совершенно неизвестною.

Первая драма моя основана была на истинном происшествии, истинные лица подали мне идею второго драматического произведения. Но так как оно пережило то время, пока еще мне нравилось, то, вероятно, никогда и не будет окончено, ни даже начато. А так как оно не будет ни кончено, ни начато, то план его складывается навеки в архив.

Вот план произведения. Молодой человек, много испытывший и видевший в своей жизни, женится на девушке, в которую он, против всякого ожидания, страстно влюбился. Он никогда не был враг женитьбы, но имел свою цель для брака. Давно уже привык он смотреть на жизнь, как на комедию, презирал людей, не отвергая в них занимательности, и открыто враждовал с обществом, от глубины души желая ему преобразования. С этим направлением духа он хотел бы соединить участь свою с женщиною характера и твердого, и грациозного -- которой образование и образ мыслей не противоречили бы его взгляду на вещи и порой смягчали б его несколько раздраженную душу. Но главное: он хотел иметь товарища, чтоб грустить о том, что грустно на свете, и смеяться над смешными сторонами этого света.

Таких женщин мало, даже в творениях знаменитых писателей. Женщины Жоржа Санда даже часто смешны идеальным своим взглядом на жизнь и исключительностью своих чувств в пользу одной страсти. Но на долю моего героя выпала женщина не поэтическая, ни даже светская, он женился на одной из тех существ, которые когда-то до смерти нравились русской публике и которые теперь еще находят поклонников: он женился на институтке с полным запасом детских ужимок и самой совершенной невинности.

Связавшись навек с этим уродливым порождением русского публичного воспитания, герой мой был счастлив -- не только оттого, что обладал предметом, в который влюблен был без памяти -- но и потому, что ему приятно улыбалась мысль: перевоспитать свою жену. Невинность ее не тешила его нисколько,-- он признавал всю смешную сторону этого детского, а не женского достоинства. Но она давала ему надежду напечатлеть на этой юной душе все то, что ему хотелось, возвысить ее в уровень с собою, передать страстно любимому ребенку свои понятия и свои возвышенные убеждения, приучить его к вражде со злом, к любви к высокому, к шутке над судьбою и над бедами.

Он ревностно приступил к ее образованию, сначала окружил ее вещами, пластически прекрасными, и старался внушить ей любовь к изящным искусствам. В долгие вечера, в очаровательные *tete-a-tete* {наедине (*франц.*).} со своей женою он передавал ей, сообразуясь с ее понятиями, события своей бурной и разнообразной жизни. Пользуясь насмешливостью, врожденною женщине, он старался поселять в ней легкую, философскую иронию, которая так помогает нам встречать бедствия и неудачи жизни. Он старался приучить ее к чтению и знакомил ее с небольшим числом женщин-писательниц, творения которых так ясно говорят женскому сердцу.

Но, против всякого ожидания, муж-философ встречает на всяком шагу препятствия и не от внешних обстоятельств, а от своей жены, своего страстно любимого ребенка, которого он так порывался поставить в уровень с собою и с веком. Не говоря уже о труднейшей части перевоспитания, он встретил препятствия в самом начале.

В самом деле, все его усилия приходится не по нутру институтской невинности: жена его не